

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Библейский код в романе Дж. Стейнбека "Гроздь Гнева"

Спото Рада Николаевна

Студент

Белорусский государственный университет, гуманитарный факультет, Минск,

Беларусь

E-mail: rada_p0422@mail.ru

Как известно, в американской культуре и литературе центральное место среди прецедентных текстов принадлежит Библии как «тексту текстов», как Книге Книг. Библия для американской и вообще для мировой литературы является не просто прецедентным текстом, а метатекстом, смыслопорождающим текстом. Библейский стиль, библейская образность, а главное – духовное содержание Библии непрерывно оказывали и оказывают влияние на творчество поэтов и писателей всего мира. Одним из авторов, который уникально для всей американской литературы интерпретирует Библию, является обладатель Нобелевской премии 1962 года Джон Стейнбек. Этот автор – один из наиболее значимых и в тоже время один из самых сложных писателей современной американской литературы, его творческая судьба глубоко противоречива. Для многочисленных критиков и литераторов вершиной творчества писателя остается роман «Гроздь Гнева» (*The Grapes of Wrath*, 1939). В данном исследовании мы попытались проинтерпретировать многочисленные отсылки к Библии в этом наиболее известном романе Дж. Стейнбека. В работе исследуются генеральные мотивы и топосы – Исхода и Судного Дня, а также другие аллюзии на Ветхий и Новый Заветы.

Актуальность исследования определяется целым рядом факторов. Несмотря на широкую известность Дж. Стейнбека во всем мире, в белорусском литературоведении его творчество остается все еще недостаточно изученным. Единственная работа, посвященная изучению творчества писателя, принадлежит А. М. Бутырчик (2003). В российском литературоведении изучение романа «Гроздь гнева» происходило прежде всего в социальном ракурсе (см.: Батурич 1984; Мулярчик 1963). Сложность изучения романа в иных контекстах заключается, во-первых, в насыщенности художественного текста Дж. Стейнбека библейскими аллюзиями и библейской символикой, что, в силу малого знакомства советского и современного читателя с Библией, делает его содержание крайне сложным для восприятия. Во-вторых, свою роль играет и отсутствие качественного перевода, отражающего многоаллюзивность произведения Дж. Стейнбека. Работа носит в значительной мере интегративный характер, определивший методику исследования, которая является комплексной по своей сути и включает интертекстуальный анализ, осуществляемый с помощью историко-культурного, герменевтического и сравнительно-типологического методов.

Роман, согласно С. Батуричу, композиционно можно разделить на три части: «1. Засуха (главы I – XI); 2. Путешествие (главы XII – XVIII) и 3. Поиски работы в Калифорнии (главы XIX – XXX). <...> Этот роман – это хроника переселения семейства Джоудов из штата Оклахома в штат Калифорния, она ограничена и во времени, и в пространстве. Эти особенности – хроникальность повествования; внутреннее деление на три части; ограничение действия местом пребывания Джоудов – дали повод ряду американских критиков утверждать, что Стейнбек якобы построил свой роман под вли-

янием библейского сюжета об изгнании евреев из Египта» [Батурина: 102]. Отметим, что ирония С. Батурина по поводу присутствия в тексте библейских сюжетов объясняется прежде всего советской идеологией того времени. Однако именно библейские мотивы и топосы, связанные с Исходом и Судным Днем, являются структуро- и смыслообразующими в романе и придают ему особую многомерность и глубину.

Исходя из результатов исследования, мы пришли к заключению, что причиной появления второго трансцендентного плана в романе Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» и обращения писателя к библейским мотивам и аллюзиям является желание автора передать судьбу всей страны через историю семьи Джоудов. Для достижения этой цели писатель использует мотив Исхода народа Израиля из Египта, проводя параллель между судьбами американцев и евреев. Этот мотив реструктурирован Дж. Стейнбеком и может быть интерпретирован как Исход в обратном направлении, потому как Джоуды в действительности так никогда и не достигли Земли Обетованной. Мотив Судного Дня создан с помощью аллюзий на Книгу пророка Исаии, Евангелия от Марка и Откровения Иоанна Богослова. Автор описывает кризис 1930-х гг. сквозь призму аллюзий на Судный День. Мотивы и аллюзии в романе выполняют функцию вторичного прочтения или дешифровки, открывая тем самым авторский замысел. Каждый образ романа имеет под собой глубокую духовную основу. Двенадцать членов семьи Джоудов могут быть интерпретированы как 12 колен Израилевых (Joah – Judas) и как 12 апостолов; Джим Кэйси – Проповедник из Экклесиаста, Иоанн Креститель и более всего Иисус Христос; Том – Моисей, Блудный Сын, один из Апостолов Христа; Роза Сарон – героиня Песни Песней, в последней сцене предстает как Дева Мария. Двойственность ветхого и новозаветного интерпретаций героев может быть воспринята как воплощение писателем идеи диалога иудаизма и христианства, что может быть заметно из реконструкции паттерна, где “Я” переходит к “Мы” – идее вселенской любви в Иисусе Христе. Так писатель создает несколько уровней интерпретации текста, а читателю открываются все новые смыслы.

Литература

1. Батурина С. Джон Стейнбек и традиции американской литературы. М., 1984.
2. Мулярчик А.С. Творчество Джона Стейнбека. М., 1963.
3. Бутырчык Г. М. У пошуках Бацькаўшчыны: Вопыт тыпалагічнага доследу творчасці Джона Стейнбека і Кузьмы Чорнага. Мінск, 2003.